

Михаил Сопин

**НАМ
НЕ ХВАТАЕТ
СОЛНЦА
ИЗНУТРИ...**

(1931—2004)

«МОЛИТВЫ ВРЕМЕНИ РАЗЛОМА»

Он пришел в русскую поэзию, как мало кому доводилось. Да что пришел! Прорвался, пробился... Вопреки времени, судьбе. Он слишком часто ступал на грань жизни и смерти, не очень веря, что и для него утром выглянет из-за туч солнце. Он и в поэзии не такой, как все — кому не выпал жребий опрокинуться из обычного человека в лагерника, вечного «зэка», каким был Шаламов, например. Но кто теперь объяснит внятно: как ему это удалось?

И теперь кажется, что он — реликтовый человек, забредший по случайности из другого мира. Где четкая биография? Из какого он сословия? Где диплом об образовании, трудовая

книжка?.. Похоже, ничего нет, чем обычно удостоверяют прожитую в этом обществе жизнь. Взамен он предлагает свои стихи. Но кто из «нормальных» их читает?

Но как же представить Сопина тем, кто все-таки уже узнал его? Вот как о нем писали, словно по капле давали:

«Судьба Михаила Сопина необычна в своей драматичности. Ему было 10 лет, когда началась война, затем — страшные годы оккупации. Войну он закончил в Берлине сыном полка, а вскоре пережил личную драму в сталинский период нашей истории...»

Наверное, тут есть правда о Сопине. Но не вся. Во-первых, не было «сына полка», а были голодные, оборванные, растерявшие родных мальчишки, которые пристраивались к нашим частям и двигались вместе с ними по направлению к германской столице, их кормили из солдатского котелка и учили стрелять, а потом бросали, или они уходили сами. Во-вторых, никакой он не вологодский, а просто русский поэт. Родовые корни его на Куршине, где будущий поэт увидел свет в 1931 году. Корни обрубил война, пустив в свободное плавание.

И если бы даже он в самом деле был сыном полка, можно ли было даже всем полком спасти детскую душу от всего ужаса, крови, завывания авиабомб, вечных похорон тех, кого он вчера мог назвать другом ли, братом?..

Я рождаюсь вот здесь, в сорок первом —
Мертвым сверстникам глядя в глаза.

И будем помнить, он еще мальчишка. В 45-м году Сопину — всего 14! Да и все ли взрослые смогли без сердечных рубцов перенести военную лихолеть? А ему еще надо жить. Но ни одной душе теперь не нужен! Его призывает в свои ряды безрассудная детдомовщина. Она приводит в коридоры, чаще кончающиеся «стенкой» или ударом финки, но его судьба спасла. Вот и у Есенина: «Тот, кто хоть раз на земле заплачет, — значит, удача промчалась мимо». Но у Шаламова: «люди, не знающие лагеря, счастливые люди, ибо лагерь — школа отрицательная, даже часа не надо быть человеку в лагере, минуты его не видеть». Шаламов же продолжает: «Именно блатной мир, его правила, этика и эстетика вносят растление в души всех людей лагеря — и заключенных, и начальников, и зрителей... А в бригаду приходят новички, чтобы в свою очередь умереть, или заболеть, или встать под пули, или издохнуть от побоев бригадира, конвоира, нарядчика,

парикмахера и дневального». И все это пережить? И не вывернуть душу наизнанку? И еще писать стихи?

И не знаешь, что вернее: спасла ли еще одного своего печальника русская поэзия? Или Сопин сам нашел единственный способ жить почти только стихами? Но когда перебрался в Вологду, он был уже своеобразный, редкостный поэт. Тут же и первая книжка — «Предвестный свет» — вышла в 1985-м, еще подпензурная, еще посеченная лихими ножницами...

И быть бы Вологде не самым печальным городом в судьбе Михаила Сопина, но в мирное время, почти на ровной дороге потерять старшего сына, отданного на воинскую службу... И это вынести? И еще после этого жить?

Мне страшно, а вдруг я неволю
Живущих живым сострадать?
Я жалуюсь белому полю,
Чтоб голос мой слышала мать:
«Мне холодно, мама, я стыну.
Мой голос звучит или нет?»
Торжественно. Людно.
Пустынно,
Ни слова, ни звука в ответ...
Убитому жалуюсь сыну
На участь живого отца.

Стихи Сопина нельзя читать помногу, захлеб, как читаются иной раз другие поэты. Дело не только в том, что его судьба ярко, даже насильно вмещается в них. Михаил Сопин и являет пример того, что поэзия и судьба не только неразделимы, но кровно связаны одна с другой. Суть в другом: он не боится взять с собой читателя на вершины бытия, обнажить перед ним сердце, душу. Но он не боится и пропастей, откуда веет смертным холодом, а может быть, и смертным покоем. В сущности, ни то, ни другое в обыкновенности бытия не нужно. И многие так думают. Только Сопин не хочет с этим соглашаться.

Прав ли, прав ли он тут? Вот и поэт Александр Романов, мудрый человек, отмечая талантливость Сопина, тоже остановился в минуты сомнения над его стихами: «А в поэзии мог бы развернуться значительно как трагик человеческого бытия (вообще человеческого, а не только подконвойного, советского). Но для такой судьбы необходима мудрость, а не только злость-обида. И строки Михаила Сопина с каждым выходом в

свет все короче. Огня уже в строке не хватает... А может, он копится в душе?..»

Сомнения тут искренние, от распахнутости миропонимания. Но когда один поэт думает над стихами другого, он невольно применяет свой опыт. И в поэзии, и в жизни. А. Романов и М. Сопин — почти ровесники. Их разность судеб все равно накладывается на одну эпоху, на схожие испытания. Но, по сути, тут два полюса одного поколения. У Романова правда народная, но крестьянская. У Сопина тоже народная, но «лагерная». Разница между ними такая же, как между огнем в русской печи и огнем в буржуйке в бараке на замеченной зоне. Один скажет: «Русь уходит в нас!» Другой: «Мы за Россию столько уложили, что уж самой России не видать». Тут не только разные подходы к прошлому, но противоречия мировоззренческие.

Поэзия Сопина рождалась в одиночестве его, когда долгие годы и руки подавать никому не хотелось. Он по преимуществу — судья, но не адвокат человеку ли, обществу ли, принятым правилам и законам. Но право такое у него есть:

Я ад прожил на свете этом.

А рай — оставим для святых.

При таком мироотношении понятно, что в рай могут попасть единицы. Тут обратим внимание, что у него нет описаний этого ада, какие есть у Шаламова, Солженицына, Даниила Андреева, Юрия Домбровского...

Видимо, это идет от понимания, что ад — не колымская стужа, не извечный страх перед пулей, не издевательства бла-тарей, не побои караульных, не тяжкий труд... Ад — душа каждого человека. Вот где черная дыра, которая в обществе может передаваться генетически от одного человека к другому. Заведомая ложь о прошлом, «трясина идейного хлама», безлюбие, подозрительность к истинным проявлениям духа, разума — вот пороки, укоренившиеся, по мнению поэта, в нескольких поколениях бывших советских людей. Его удивляет степень мимикрии, способности пороков укрепляться, вить теплое гнездышко в любой душе.

Едва под звоны отворились храмы,

Как хлынули толпой в дворяне хамы...

Здесь его взгляд историчен. Он охватывает всю русскую трагедию в двадцатом веке, «закольцовывает» ее на возмож-

ность повторения. От разломов в душе каждого человека Сопин часто приходит к размышлениями о судьбе и самой России. Его чувства в смятении, он признается в редкостной для обыденного сознания любви-ненависти к родной земле. Все это может показаться аффектацией, бредом болезненного ума, если бы не знать судьбы поэта.

Этот мотив очень характерен для поэтов «лагерного» сознания. Вот, например, Ольга Берггольц, тоже испытывавшая ужас сталинских репрессий:

Гнала меня и клеветала,
Детей и славу отняла,
А я не разлюбила — знала:
Ты — дикая. Ты — не со зла.

А Сопин бывает еще более гневен, еще более непримирим в своих отношениях с Россией. И кажется, что на такие выводы еще чаще сподвигает не тот ад, который ему достался, а само развитие общества как раз в последующие за сталинизмом периоды. Нынешнее время — не исключение. Оно лишь продолжение прошлого, кандалные цепи которого никак не удается разорвать.

Поэт предъявляет жесткие счета своей родине. Он спрашивает: за что «мужиков забивали в колодки», «вели продавать на торги, как скот», почему «воюют брат с братом, с семьей враждует семья», «за что, объясни мне, уходят твои сыновья?» Здесь, действительно, «никто не забыт, ничто не забыто». Память «минирована» потрясениями, трагедиями, растерзанными душами, кровью, пролитой напрасно...

Многие ли из нынешних поэтов с чистой совестью могут задавать такие вопросы? У Михаила Сопина это право есть.

Читатель вправе следовать за поэтом, если настроен на его волну. Но может и не следовать. А вот попытаться объяснить себе, ради чего Сопин переливает свою судьбу в поэзию, наверное, должен. Но одного желанья мало, впрочем. Нужен опыт не столько поэтический, сколько знание жизни. Поэт не зря предупреждает:

Я несу тебя, век мой, в груди:
Твою радость несу,
Твою гадость,
Твою нежность,
Горючесть и сладость.
Однобоко меня не суди...

Он склонен считать, что его трижды проклятая им самим судьба может быть понята как урок, наверное. А можем ли мы представить, что Сопин через невероятные испытания, боль, унижения, любовь-ненависть сумел увидеть что-то главное в жизни каждого человека? Тут речь о высоком, о смысле жизни, например. У Сопина нет «философской» лирики. Но в его отрицании пороков, в его гневной отповеди беспамятству, другим искривлениям духовной жизни он видит идеал человека. Он ясно знает, каким он должен быть.

Родимая, что нам осталось?
Висков крутое серебро.
Неизреченная усталость
И недобитое добро...

Как все это актуально на пороге веков... Поэт понимает: стихи еще никого ничему не научили. Но вдруг да хоть одного?..

Андрей СМОЛИН

2002 г.